

18+ Сергей Еринец

СЕКСотка

В России душат любовью, ломают взглядом и гибнут под
руинами целой страны

Сергей Еринец

**СЕКСотка. В России
душат любовью, ломают
взглядом и гибнут под
руинами целой страны**

«Издательские решения»

Еринец С.

СЕКСотка. В России душат любовью, ломают взглядом и гибнут под руинами целой страны / С. Еринец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858581-4

Действие романа происходит на фоне переломных событий в жизни страны начала 90-х годов XX века. Главные герои — студентка театрального училища из провинции, известный молодой журналист и сотрудник КГБ — образуют любовный треугольник, вырваться из которого не помогает даже развал советской империи после августовского путча 1991 года. Это роман о прошлом полковников, пришедших сегодня к власти в России, в которой душат любовью, ломают взглядом и гибнут под руинами целой страны.

ISBN 978-5-44-858581-4

© Еринец С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

СЕКСотка

В России душат любовью, ломают взглядом и гибнут под руинами целой страны

Сергей Еринец

© Сергей Еринец, 2017

ISBN 978-5-4485-8581-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Аплодисменты накрыли небольшой зал театрального училища. На сцену потянулись родственники с цветами. Молодые актеры, в последний раз поклонившись публике, бросились в зал и, схватив под руки дородного представительного мужчину в ярко-красном пиджаке, увлекли его на сцену.

Руководитель курса – известный театральный режиссер Лазарь Абрамович Лозовский – недолго упирался. Собственно, это тоже был своего рода маленький спектакль, игра. По дороге, взбираясь по ступенькам, мэтр неожиданно подхватил под руку молодого человека, скромно стоявшего в углу сцены у кулис и ожидавшего своей очереди, чтобы вручить цветы.

От неожиданности тот даже не стал сопротивляться. Мэтр подтолкнул его к девушке – исполнительнице главной роли. И когда молодой человек передал ей букет бордовых роз, потечески обнял обоих за плечи.

Игорь Василевич, несмотря на молодость – ему едва исполнилось двадцать пять, – был уже достаточно известным журналистом «Литературной газеты», сделавшим себе имя на разоблачительных репортажах, пользовавшихся неизменным успехом у интеллигенции. Присутствие его в зале на итоговом курсовом спектакле, а также близкая женитьба на самой талантливой студентке доставляли удовольствие известному режиссеру, тешили его самолюбие.

– Я желаю вам счастья, дорогие мои, как ни банально это звучит, – вещал за кулисами мэтр, окруженный студентами. – Известность к Игорю уже пришла, но у Лены – огромное будущее, запомните мои слова, – обращался он к смущенной паре. – Жена-актриса – это испытание. Нужны силы, чтобы его выдержать. Я рад еще и потому, что это первая свадьба у нас на курсе, хотя должен был бы скорее огорчаться. Теперь ты, Лена, будешь принадлежать уже не одному только театру...

Для убедительности известный мастер смахнул слезу.

– Ну что вы, Лазарь Абрамович... – Все стали наперебой убеждать своего руководителя, что Лена не потеряна для театра, но мэтр лишь театрально разводил руками.

Наконец долгий вечер закончился. Игорь и Лена выбежали из училища в июньскую ночь. Он обнял ее и стал целовать. Руки скользнули на бедра и дальше вниз.

– Поедем ко мне? – прошептал он.

– Я не могу. Я обещала быть дома. Да к тому же – твои родители...

– Родители – поймут. Осталось пять дней до свадьбы.

– Тем более можно потерпеть.

– Но мы и так давно терпим...

– Всего четыре дня.

– Целых четыре дня!

Он вновь прильнул к ее губам долгим поцелуем.

С продолжительными остановками они добрались до метро. Целуясь, спускались по эскалатору, не могли оторваться друг от друга в полупустом вагоне метро. Долго стояли сначала у подъезда ее дома, затем внутри, потом, поднявшись на лестничную клетку, у двери квартиры.

– Когда мы встретимся? – прощаясь, спросил он.

– Не знаю, созвонимся, – торопясь, отвечала она.

– Я надеюсь, до свадьбы увидимся?

– Наверное. Пока, – бросила она, поворачивая ключ в замке.

– Может быть, я тоже незаметно войду? А уйду раньше, чем проснутся твои родители?

Они уже спят, наверное?

– Лена, ну наконец-то! – послышался голос будущей тещи. – Мы с отцом уже стали волноваться.

– Вот как они спят. Все. Пока, – попрощалась она.

Лена спала долго, но беспокойно. Нервное напряжение прошедшего дня преследовало ее и ночью. А проснувшись, она еще лежала в постели, собираясь с силами, пока в комнату не вошла мать.

– Наконец-то. Ты помнишь, что через три дня свадьба? А через два часа ты должна быть у портнихи на примерке?

– Помню, мама, помню.

– Если помнишь, тогда вставай. Кстати, а почему ты не пригласила вчера к нам Игоря?

– Он опаздывал на метро, мама.

– Ну хотя бы поздоровались. Неудобно как-то.

– Все нормально, мама. Не бери в голову.

– Как знаешь.

Зазвонил телефон. Людмила Сергеевна заспешила к аппарату.

– Лена, тебя. Мужской голос.

Девушка лениво поднялась с постели, пошаркала ногами в поисках тапочек и поплелась в коридор.

– Аллю?

– Любовь? – услышала она мужской голос, и ноги ее вдруг пронзили миллионы острых иголок, вслед за которыми они как будто потеряли опору, а сердце провалилось куда-то вглубь и перестало биться. – Сегодня в четыре. Как обычно, у Есенина. До встречи!

И в трубке послышались короткие гудки.

– Кто это? – поинтересовалась мать.

– Ошибся, не туда попал, – соврала Лена, пытаясь осознать, что произошло.

Она прекрасно помнила этот большой старинный дом, адрес – Померанцев переулок, дом 3, рядом с Институтом иностранных языков, нужный подъезд, старый скрипучий лифт. Она решила пройти пешком всю эту длинную улицу от метро, хотя могла поехать на троллейбусе. Ей нужно было собраться с мыслями, представить, что говорить, как вести себя: равнодушно хмыльнуться, остаться серьезной, даже суровой или просто быть искренней.

Искренней – лучше всего, но что значит быть искренней при такой смене чувств? Она не знала. Мастер учил их импровизации. Придется полагаться на это.

– Лена! Привет! Как я рад тебя видеть! Это судьба! – Перед ней стоял улыбающийся Игорь и не знал, как еще проявить свою радость. – Ты куда?

– К портнихе! – соврала она. Вот когда началась импровизация.

– Ты что, не рада меня видеть?

– Ну что ты, рада. Конечно, – говорила она, а в сознании промелькнуло: «Господи, только его здесь не хватало...» Но она тут же обругала себя за эти мысли. Это ее будущий муж. Она любит его. – Прости, я так замоталась, опаздываю...

– Я провожу тебя?

– Не надо!.. Конечно, если хочешь, – тут же исправилась она. – Правда, здесь недалеко. Мне неудобно отвлекать тебя, ведь у тебя наверняка дела.

– Да нет, у меня есть время. Ты идешь примерять платье? Можно, я пойду с тобой? Может быть, я смогу что-то посоветовать...

– Нет, милый, – остановилась она. – Я хочу тебе сделать сюрприз. Я хочу, чтобы ты увидел мое платье в день свадьбы. Лучше иди, не отвлекайся на пустяки, тем более, что мы уже пришли.

Лена остановилась возле одного из домов.

– Спасибо, что проводил. Я пошла. Пока.

Она почти что забежала в подъезд.

Переждав несколько минут, постоянно поглядывая на часы, Лена осторожно приоткрыла дверь незнакомого подъезда и выглянула на улицу. Игоря не было. Она быстро пошла в сторону нужного дома.

Опасаясь встретиться с Игорем вновь, но уже не раздумывая, девушка вошла в нужный подъезд, нажала кнопку вызова лифта. Слабость вновь овладела ею перед дверью знакомой квартиры. Набрав в легкие воздух, она решительно позвонила.

Дверь открыл плотный, среднего роста мужчина лет сорока, в белой рубашке, однотонном синем галстуке, отлично выглаженных брюках и начищенных до блеска ботинках. Седые подпалины у висков украшали его аккуратную шевелюру.

– Привет. Проходи, – спокойно, но приветливо сказал он. – А ты похорошела. Уже не та девочка, которую я когда-то знал.

– Ты тоже изменился, – произнесла она.

– Постарел?

– Мужчину украшает возраст.

– Будем считать, что приветствиями мы обменялись. Хочешь выпить?

– Да.

– Мартини?

– Да.

– Вкусы не изменились?

– Не все, – ответила она.

Он готовил напитки у маленького сервировочного столика на колесиках, она рассматривала знакомую комнату.

– Как видишь, все по-прежнему, – как будто перехватил он ее мысли. – Вспоминала?

– Часто.

Он подал ей бокал.

– За встречу! Я рад вновь тебя видеть.

– Я тоже, – произнесла она.

– Почему так неуверенно? – спросил он, отпив коньяк и поставив рюмку на стол.

– Зачем я вдруг понадобилась тебе?

– Странный вопрос. Ты всегда была мне нужна. Просто было тяжелое время.

– А сейчас?

– Все вернулось на круги своя.

– И ты вспомнил обо мне.

– Я никогда тебя не забывал. А ты?

Он вдруг приблизился к ней вплотную, обхватил ладонями ее запястья и заломил их за спиной в замок так, что она почувствовала боль и уронила бокал на ковер, расплескав его содержимое.

Он резко развернул ее спиной к себе и, удерживая одной рукой ее руки, другой – уверенно и сильно принялся ласкать грудь. Губами он впился в ее шею, оставив на ней алый след после поцелуя. Затем он подтолкнул ее к спинке кресла и опрокинул на нее. Задрав короткое платье, он обжег ее прикосновением рук, проскользнувших под маленькие трусики, дернул за тонкий материал.

Она слышала бряцанье пряжки ремня на его брюках, но сопротивляться не было ни желания, ни сил. А когда его умелые и сильные руки уверенно обхватили ее обнаженные бедра, ей захотелось только одного: скорее ощутить его.

Закрыв глаза, опершись руками в подлокотники, она полностью отдалась ощущениям, пока не почувствовала на себе тяжесть его обмякшего тела, вдавившего ее в спинку кресла.

Лена лежала рядом с ним на диване, положив голову на его плечо, стараясь не делать резких движений, чтобы не просыпаться пепел из пепельницы, стоявшей у нее на животе. Его левая рука лениво ласкала ее грудь.

– Я выхожу замуж, – наконец произнесла она фразу, которую хотела сказать уже не раз: как только переступила порог квартиры и когда, выйдя из ванной, увидела его лежащим на разобранном диване.

– Отлично, – безо всяких эмоций поддержал он. – Тебе пора, уже двадцать лет, самый возраст. А кто он?

– Журналист. «Литературной газеты». Игорь Василевич. хёдаё, наверное, – проговорила она, тщательно произнося слова и стараясь не расплакаться.

– Отлично, – похвалил он ее выбор. – И для нас это очень кстати. Контору интересует, чем дышат сегодня демократически настроенные журналисты. После периода замешательства мы опять начинаем работу. Так что считай, я тебя благословляю. Связываться будем как и прежде: я буду звонить тебе, говорить время и адрес.

– Ты действительно хочешь, чтобы я вышла замуж?

– Конечно, – вполне искренне подтвердил он.

Выйдя из подъезда, она уже не могла сдержать слез. Прохожие оглядывались на нее, пассажиры троллейбуса с любопытством разглядывали плачущую девушку.

Домой Лена вошла уже с сухими глазами.

– Как платье? – поинтересовалась с порога мать.

– Никакого платья не будет, мама.

– Не понимаю...

– И свадьбы тоже! Ясно? – Лена пробежала к себе в комнату, захлопнув за собой дверь.

– Что случилось? Вы поссорились? Это бывает, – стала успокаивать ее мать, пристраиваясь рядом на диване. – Успокойся, дочка.

– Я не люблю его, мама!

– Что?

– Я не выйду за него!

– Не дури! – недовольно и сурово произнесла мать, вставая с дивана. – Прекрати истерику немедленно! Это не шутки! Раньше надо было думать. Приглашены гости, заказан ресторан. Ты приняла свадебный подарок.

– Свадьбы не будет, мама.

– Будет! И не выдумывай! Он – отличная пара, умный, внимательный, талантливый, любит тебя.

– Я – не люблю его.

– Неправда, любишь. А не любишь сейчас – полюбишь потом. И о чем ты, интересно, думала, оставаясь на ночь у него на даче? Я не поверю, что вы спали на разных кроватях. И после этого он еще захотел на тебе жениться! Хорошими людьми в наше время не бросаются... Ты что, хочешь всю жизнь прожить здесь, на этом чердаке?.. Я сейчас звоню портнихе и говорю, что мы заедем вечером!

– Никуда я не поеду!

– Вы что, поссорились из-за платья? – вдруг осенило мать.

Развеселившимся гостям становилось тесно в залах ресторана «Репортер». Они то и дело поднимались на улицу, где самые активные пытались устроить танцы на Гоголевском бульваре. На свадьбу Игоря и Лены, кроме родственников и близких друзей, завалился почти весь ее курс.

После общих приветственных речей и первых рюмок гости разделились на пожилых и молодых и разбрелись по залам. Молодоженам то и дело приходилось переходить от одной компании к другой и слушать тосты, которые поднимались за них.

Лена выглядела усталой и не очень веселой. Игорь с тревогой смотрел на невесту, которая весь вечер отводила от него взгляд. Он не понимал причины этой холодности и недоумевал.

Они так и не встретились больше до самого дня свадьбы, даже не обмолвились словом по телефону. К аппарату неизменно подходила Людмила Сергеевна и любезно сообщала, что Лене немного нездоровится, или что Лена вышла в магазин, или что Лена у портнихи. Будущая теща советовала ему не волноваться и понять состояние девушки, решившейся на такой серьезный поступок как замужество.

Другой неожиданностью для Игоря стало платье невесты. Когда утром в день свадьбы он заехал за ней, чтобы везти в ЗАГС, Лена вышла к нему в длинном облегающем наряде... болотного цвета, с таким же веночком на голове, вплетенным в роскошные светлые волосы. Девушка выглядела эффектно и сексапильно, но лишь с большой натяжкой походила на невесту. Это показалось ему тем более странным, что за две недели до свадьбы она заказала себе белый наряд. Может быть, это и есть тот сюрприз, о котором говорила Лена во время их случайной встречи за несколько дней до свадьбы? Может быть, поэтому она ни разу не захотела взять его с собой на примерку? Что ж, сюрприз удался, но не порадовал его.

Игоря немного раздражал и тот общий фон их свадьбы, когда гости после первых возлияний забывают о самой причине торжества, а молодые вынуждены весь вечер быть статистами, о которых вспоминают иногда, разражаясь бурными криками: «Горько!»

Вечер чуть скрашивали его друзья и коллеги по «Литературке», чего нельзя было, увы, сказать о невесте, стремившейся постоянно покинуть супруга и уединиться где-нибудь в скверике с кем-нибудь из подруг.

Когда такси во втором часу ночи, наконец, подвезло их, усыпанных цветами и коробками, к дому, у Игоря раскалывалась голова. Он совсем не удивился тому, что его молодая жена вместо нежных объятий предпочла надолго закрыться в ванной. Она вышла оттуда с красными глазами, без косметики, в домашнем халате, улеглась в постель и, сославшись на плохое самочувствие, отвернулась к стенке.

Он почувствовал легкую обиду и, больше из принципа, чем от желания, произнес:

– Я не так себе представлял нашу первую ночь.

– Наша первая ночь давно прошла, – сухо и устало отозвалась она.

На следующий день суматоха захватила их обоих. В два часа они улетали в свадебное путешествие в Сочи. Игорь забронировал номер-люкс на десять дней в «Жемчужине». Нужно было дособирать чемоданы, а вещи находились все еще на родительских квартирах.

Но вечером они уже плавали в теплом море, смотрели на закат солнца и гуляли по вечно праздничной оживленной набережной. Смена обстановки благотворно действовала на обоих. Ночной инцидент они не вспоминали, глаза Лены оживились, улыбка появилась на лице. После ужина в ресторане – с шампанским, мороженым, фруктами – они поднялись в номер.

Неделю их жизнь состояла из моря, солнца и любви. Вечерами – ужин в ресторане, прогулка по набережной и широкая, удобная кровать. На восьмой день Лене захотелось разнообразить программу. Было решено потанцевать в дискотеке, тут же, на верхнем этаже гостиницы.

Быстрые ритмы сменялись медленными мелодиями. Они плыли в объятиях друг друга. Губы Игоря легкими прикосновениями касались ее губ. Его приятно ощущаемое возбуждение передавалось и ей. Лена открыла глаза, подняла голову с его плеча, собираясь предложить Игорю спуститься в номер, как вдруг ее парализовал взгляд, пронзивший все пространство зала от стойки бара до нервных окончаний ее спины.

Что было во взгляде этих спокойных глаз, в приветливой улыбке сорокалетнего мужчины, в легком приветственном жесте его руки с початой рюмкой коньяка?! Он поднялся с табурета и кивком головы указал ей на выход.

Как заколдованная, Лена тут же прекратила танец. Очаровательно улыбнувшись Игорю, она проговорила:

– Милый, я оставлю тебя на минутку. Не скучай.

Подхватив сумочку, лежавшую на их столике, она стала пробираться к выходу из зала.

В небольшом фойе перед туалетами курили посетители бара. Она подошла к мужчине.

– Не ожидала? – спросил он.

– Нет.

– А он очень приятный. Ты, должно быть, счастлива.

– Тебя это не касается.

– Я вижу, ты не рада. Хорошо, к делу. Завтра не пойдешь на море, скажешь, что записалась к парикмахеру. Я буду ждать тебя по этому адресу. – Он протянул ей листок бумаги. – Есть дело. Пока.

Мужчина сделал последнюю затяжку, потом бросил окуроч в урну и, кивнув ей на прощание, покинул фойе.

Лена вошла в женский туалет. Ее била дрожь.

Нужный номер дома она нашла довольно быстро. Высокий, глухой забор, железная калитка с глазком. Кнопка звонка.

Ждать пришлось недолго. Сработал механизм замка и калитка приоткрылась. Она вошла во двор. Ухоженный стриженный газон, асфальтовая дорожка к большому двухэтажному дому, заплетенному виноградом. Аккуратно задернутые занавески на окнах.

– Нравится? – поинтересовался он, появившись на крыльце. – С удовольствием отдохнул бы здесь месячишко. Проходи.

Комната была обставлена добротной импортной мебелью. Цветной телевизор, видеомагнитофон. Стенка с книгами. Диван, два кресла. Журнальный столик.

– Мне нужен отчет о твоей работе. Сама понимаешь, я должен оправдать свой приезд сюда. Вот тебе бумага, ручка, пиши...

– Я не могу. Я не хочу. Я не буду на вас работать.

– Это что-то новенькое, агент Любовь. Ты уже не маленькая девочка, должна понимать, что от нас так просто не уходят. Твоя работа будет нужна при любом режиме, ты, наверное, уже в этом убедилась. Меня интересует всего лишь, чем сейчас занимается твой муж, какие статьи готовит. Каково настроение в кругах его друзей? Что думают о нынешней власти? Кто они – на этом остановись подробно. В общем, ты помнишь, как это делается...

– Отпусти меня. Совсем, – с мольбой проговорила Лена.

– Не могу. Да и не хочу, – спокойным, ровным голосом ответил он.

– Тогда я уйду.

– Иди. Только не удивляйся, если твой муж вдруг узнает, что его жена давний осведомитель КГБ, агентурная кличка «Любовь».

– Не давний. Я была им меньше года...

– Два года, Любовь. Никто отношений с тобой не прекращал.

– Я ни на кого ничего не сообщала плохого.

– Возможно, но стукачей очень не любят такие, как твой муж. Они давно уже предлагают опубликовать списки тайных сотрудников КГБ. Мы можем начать с тебя.

– Ты меня не испугаешь.

– Хорошо. Допустим, он простит тебя. Ну, а если он получит фотографии своей жены, скажем, довольно интимного характера. Как ему это понравится?

– Какие фотографии?

– Очень пикантные, поверь мне.

– Нет никаких фотографий!

– Есть!

– Нет.

– А вот это? – Он подошел к секретеру и достал пачку заранее приготовленных фотографий.

Взяв верхнюю, он секунду смотрел на нее, ухмыльнулся и бросил на пол. Описав в воздухе замысловатую фигуру, фотография упала, не долетев нескольких метров до ее ног. Следом за ней на ковер опустилась другая, затем еще одна, и еще.

– Какая страсть! Какая фантазия! – комментировал он.

Лена опустилась на колени и, передвигаясь на корточках, стала собирать падающие фотографии, с ужасом рассматривая их.

– Какая женщина! Какая страсть! Да и партнер ничего себе. Правда, уже не так молод, но, по-видимому, доставляет ей удовольствие. Вот, посмотри, какой кадр: ногти впились в спину мужчины! А она запрокинула голову и, по-моему, кричит: еще, еще, еще! С ним ты это же кричишь или что-то другое?

– Ты мерзавец!

– Ну зачем так? Я этого не хотел. Я предполагал, что у нас с тобой не просто деловые отношения. Я даже прилетел сюда больше для того, чтобы увидеть тебя. Порви эти фотографии – и никогда не будем вспоминать об этом! – предложил он. – Но, черт возьми, как ты хороша на них! Этих фотографий нет даже в твоём досье, хотя это и оперативная съемка. Они только у меня, и я их очень люблю. Прости мне эту слабость. Представь, через несколько лет ты будешь звездой театра и кино. А что останется мне? Пенсия, одинокие холостяцкие вечера. Я, правда, так и не развелся с женой, но вместе мы не живем. Я буду доставать эти фотографии и вспоминать о тебе...

– Значит, мне никогда от вас не освободиться?

Он подошел к ней. Погладил по лицу.

– Ты хочешь, чтобы мы расстались? А на смену мне прислали другого? Разве тебе от этого будет лучше? Разве он знает тебя, как я? Разве знает он, какой может быть в постели эта сдержанная с виду женщина? Да и кто еще может знать тебя лучше, чем я? Твой муж?.. Когда-нибудь, через много лет, может быть. Но ему не испытать с тобой той близости, которая делает девушку женщиной. Первого стыда... – Он гладил ее волосы, шею, плечи. Она внимала ему, закрыв глаза, из которых катились слезы.

– Ведь тебе было приятно тогда? Больно, но приятно? – продолжал он, – Ты ведь любишь боль?

Он резко сдернул с плеч ее платье, под которым не оказалось лифчика. Обнажились налитые, возбужденные груди.

Он повалил ее на ковер, так и не освободив руки, оказавшиеся спеленатыми платьем. Он спустил брюки, задрал ее платье, сдернул трусики. Она помогала ему движением своего тела...

– А первый оргазм ты испытала тоже со мной! Помнишь, как это было? Помнишь? Помнишь? – повторял он, выделявая телодвижения на ней. – Сейчас ты у меня вспомнишь! Вспомнишь! Вспомнишь! – говорил он, убыстряя ритм. – А потом сядешь и напишешь все, что я от тебя хочу!..

Глава 2

...Она ушла из дома. Тогда за всю дорогу, а это два часа езды, она ни разу не пожалела об этом. А когда электричка, сбросив скорость, миновала последнюю стрелку перед Курским вокзалом, ей от радости хотелось петь.

А петь она любила с детства, пела всегда и везде, не стесняясь: и на школьных вечерах, и просто на улице – вполголоса, совершенно не замечая косых взглядов.

Родителям нравилось и то, что девочка растет музыкальной, и то, что со сцены может прочесть стихи, нравилось даже, что занималась в доме офицеров в драмкружке. Но когда в конце девятого класса Лена объявила, что хочет стать актрисой, – родители испугались. «Профессию, дочка, надо выбирать серьезную... А актриса? Знаем, слышали... Ты у нас единственная дочь.»

А она, сдавая выпускные экзамены, дважды съездила в Москву и прошла два тура в театральное училище имени Щукина. Получив аттестат, собрала вещи и, ничего не говоря родителям, – к чему еще один скандал? – только оставив короткую записку, отправилась в Москву.

В том, что поступит, она не сомневалась: кто прошел два тура – уже наполовину студент. Деньги есть: кое-что скопила, какие-то вещи отнесла в комиссионку; общежитие дадут, стипендию получать будет. А там – четыре года – пригласят в театр. Она, конечно, будет выбирать: если Ленком, то согласится, а в Малый не пойдет уж точно. Родители к тому времени поймут, что дочка была права, поменяют квартиру на Москву. Замуж она не собирается, зачем? Она распланировала свою жизнь на двадцать лет вперед, но и предположить не могла, что случится событие, которое перечеркнет все ее представления о будущем в ближайшие же двадцать четыре часа.

Никаких особых планов у нее на этот день не было, нужно было только еще раз перед завтрашним экзаменом пройти программу. И вообще, все прекрасно: она свободна, Москва, делай что хочешь, а переночует – ничего! – на вокзале.

Она давно присмотрела эти лавочки на Казанском – зал ожидания на воздухе – еще когда ездила вместе с родителями к родственникам в Казань. Запах дороги, уходящие поезда, пассажиры с детьми, чемоданами, сумками – милые, добрые, незащищенные существа.

Она сидела одна. Все места вокруг были пусты, люди перебрались на ночь под крышу. И только редкие прохожие да носильщики иногда проходили мимо.

Она читала... Горящие глаза, странные гримасы, шевелящиеся губы... Вот они, наверное, и подумали тогда, что она пьяна. Те двое, что подошли на вокзале.

Лена опомнилась уже в машине, когда один из них протягивал ей полный до краев стакан с водкой. Только когда она выбила его из рук, они, наверное, поняли, что ошиблись, потому что тот, что сидел за рулем, крикнул: «Держи ее!»

– Если ты будешь умницей, мы отвезем тебя домой. Но сначала заедем к другу на квартиру. А сейчас надо выпить! – говорил другой.

Он налил еще полстакана и протянул ей. Она выпила и, как ни странно, это даже придало ей силы. Лена решила их обмануть, стать смирной и послушной. А когда ее выводили из машины, вцепилась зубами в руку того, кто ее держал, и побежала.

Благословенные темные московские переулки – ее просто невозможно было догнать. Она выбежала на оживленную магистраль и бросилась прямо под первую проезжавшую машину.

– Быстрее, умоляю! За мной гонятся. В милицию, прошу вас!

– Мы не здешние, я не знаю... – ответил растерянный молодой мужчина. – Мы здесь проездом, – подтвердила его испуганная жена.

– Ну куда-нибудь отвезите! – взмолилась Лена.

А как только машина остановилась у огромного здания со светящимися окнами, бросилась к подъезду. Огромная массивная дверь открылась неожиданно легко.

– Вы куда, девушка? – выскочил удивленный человек в погонах. – Сюда нельзя. Приемная КГБ за углом.

Была уже половина второго ночи, когда в небольшой кабинет с портретом Дзержинского на стене в старом московском доме на бывшей Лубянке вошел дежурный по управлению – майор Русаков.

Этот случай был не по линии госбезопасности. Пока ждали приезда патрульной группы милиции, Иван Анатольевич, – так представился этот среднего роста, крепкий, в отлично сидевшем костюме человек, никак не похожий на военного, – напоил ее чаем.

От выпитой водки у Лены кружилась голова, к тому же, Москвы она не знала, а номер машины, конечно, не запомнила.

Вместе с приехавшим лейтенантом милиции Иван Анатольевич тщательно пытался узнать, по каким улицам они ехали, куда ее везли, где она поймала машину. Также тяжело давалось Лене описание преступников. Их лица были как в тумане.

Через час беседы Лена подписала какие-то бумаги и лейтенант милиции уехал. Русаков уложил ее на диван в одном из кабинетов, прикрыл пледом и посоветовал хорошо отдохнуть, ведь завтра ее ждал решающий экзамен – третий тур прослушивания.

Он разбудил ее в девять часов. Вошел в кабинет свежий, отлично выбритый, пахнувший дорогим одеколоном. Протянул чистое полотенце и с улыбкой посоветовал привести себя в порядок.

Потом они пили чай и ели свежие «пятикопеечные» булочки с маслом в пустом комитетском буфете.

– У меня после дежурства выходной, – сообщил ей Русаков, – я отвезу вас, Лена, на экзамен. И постараюсь решить вопрос с общежитием.

– Спасибо, Иван Анатольевич.

Абитуриентам из ближнего Подмосковья, по правилам, общежития не полагалось. Но Лена, уезжая из дома, не знала об этом и предполагала, что, если успешно пройдет третий тур, то сразу получит место.

– Соберитесь, Лена, ничего особенно страшного не случилось, уверяю вас, – наставлял ее в машине Русаков, – все могло кончиться намного трагичнее... Я думаю, это происшествие пойдет вам только на пользу! Да-да, не удивляйтесь! Шок, потрясение, естественные, а не вымученные эмоции в вашей профессии просто полезны. Вы отлично сдадите экзамен, я уверен! К тому же, вы говорите почти что с коллегой. Я, между прочим, закончил киноведческий факультет ВГИКа.

– Правда?

– Моя дипломная работа, только не смейтесь, называлась так: «Творчество Ингмара Бергмана, как символ упадка западного кинематографа».

Лена засмеялась, хотя, по правде говоря, ни одного фильма Бергмана не видела и только слышала об этом известном шведском режиссере.

– Сейчас, я даже помню до сих пор... Вот: «В фильмах Бергмана выражены духовный кризис и терзания личности, ощущающей свое одиночество и покинутость в буржуазном мире...» Что-то в этом роде... Полная чушь, конечно! – заключил Русаков, – Правда, «пятерку» свою я получил. Но главное, что дал мне ВГИК, – это возможность познакомиться с шедеврами западного кинематографа и понять, что проблемы людей заключены не в строе, они – в них самих. Но кроме проблем каждого отдельного человека, существуют не менее важные проблемы общности людей, называемой государством. И на этом уровне частные проблемы личности должны уходить на второй план... Это, кстати, ответ на ваш молчаливый вопрос, почему я оказался здесь.

Иван Анатольевич проводил Лену до самых дверей аудитории, курил в коридоре во время экзамена, а потом первый поздравил с успехом...

Он договорился в деканате, и Лене, ввиде исключения, на время сдачи экзаменов по общеобразовательным предметам дали место в общежитии училища.

Иван Анатольевич съездил с ней на Казанский вокзал, где в камере хранения Лена оставила сумку с одеждой, довез ее до общежития у метро «Полежаевская».

– Ну, Лена, желаю успеха! – сказал он, выгрузив из машины ее вещи. – Возможно, мы еще встретимся.

– Спасибо вам большое, Иван Анатольевич! – с чувством проговорила Лена. – Вы так много для меня сделали! Я даже не знаю, как мне вас благодарить!

– Отложим это до сентября. До того дня, когда вы станете студенткой! Договорились? – Он протянул ей свою большую крепкую руку.

– Договорились! – с улыбкой согласилась она, кладя свою маленькую ручку в его ладонь и ощущая нежное пожатие.

Как-то вечером в конце сентября, выходя из училища после занятий, она увидела Русакова, кутившего у машины. Лена подбежала к нему.

– Здравствуйте, Иван Анатольевич! Я уж думала, вы забыли про наш уговор, – радостно проговорила она.

– Было много работы, Лена, – сообщил он. – Ну, я думаю, вы не сильно скучали?!

– Неправда, – немного смешалась она.

На самом деле первый месяц учебы полностью захватил ее. Если она и вспоминала Русакова, то с чувством искренней благодарности за то, что во многом благодаря ему она оказалась в этих легендарных стенах, рядом с великими актерами и режиссерами. Но увидев его, подтянутого, солидного, чуть ироничного, в элегантном костюме, пахнувшего кофе и дорогими сигаретами, рядом с новеньким красным «Жигуленком» пятой модели, испытала приятное чувство удовлетворенного женского тщеславия.

– Мы договаривались отметить ваше поступление, Лена. Прошу! – пригласил он девушку в машину, открыв перед ней дверь. – Нас ждет столик в «Арагви».

– Ой, мне бы надо переодеться! – запаниковала Лена.

Это было ее первое посещение ресторана. К тому же, она действительно была одета буднично, в выдавший виды, но очень подходивший ей светло-коричневый вельветовый костюмчик – юбку и жакетик, темно-синюю блузку.

– Ни к чему, – заключил он. – Вы отлично выглядите, Лена. Женщина может одеться красиво и дорого, но молодости и красоты ей это не прибавит! Все при вас...

Лена была поражена роскошью и солидностью ресторана, тогда, пожалуй, самого модного в Москве. Не закомплексовать ей помогали только врожденная непосредственность и уверенность ее спутника.

За соседним столиком сидел Евтушенко с компанией, женщины вокруг были в вечерних платьях, в дорогих украшениях.

– Начнем с шампанского, – заказывал Русаков подошедшему официанту в национальном грузинском костюме. – Зелень, овощи, шашлыки... Вы любите шашлык, Лена? – обратился он к несколько смущенной девушке.

– Да.

– Бутылочку «Кинзмараули», – продолжал Русаков делать заказ. – Кофе, мороженое... Пока все.

Когда официант разлил шампанское по фужерам, Иван Анатольевич, приподняв бокал, произнес:

– За вас, Лена! За ваше счастливое актерское будущее!

– Спасибо.

Выпитое вино благотворно сказалось на состоянии Лены, она почувствовала легкость и раскованность, она уже больше не смотрела по сторонам, все ее внимание и интерес были сосредоточены на спутнике.

– Иван Анатольевич, а у вас есть семья? Жена, дети... – спросила Лена, удивляясь собственной смелости.

– Детей нет. Официально я женат, но вместе мы не живем уже несколько лет. Я, как и вы, Лена, из Подмоскovie. Квартира в Жуковском. Там и живет моя жена. А я снимаю в Москве. Давно уже стоило бы подать на развод, но есть некие условности... Партком, например. В нашей организации это не приветствуется. Да и моей жене так удобнее: статус замужней женщины в глазах соседей и коллег по работе намного выигрышней, чем разведенной. Мы оказались слишком разными людьми, да и моя профессия наложила отпечаток на взаимоотношения. Дежурства, работа допоздна... А вообще, я по характеру – холостяк!

– Правда?

– Да.

– А почему?

– Характер есть характер. Он повлиял на конечный выбор профессии, влияет на стиль жизни... Вот вы, Лена, вы стремитесь замуж?

– Нет, конечно. У актрис вообще редко бывают удачные браки... А потом, театр, кино... Учеба...

– Вот видите, это тоже характер. Вас тянет не детей нянчить, не стирать рубашки мужу, а играть на сцене, быть свободной от условностей, отдаваться своим чувствам. Иначе вы выбрали бы другую профессию и думали, где бы подцепить мужа.

– Ну, может быть, когда-нибудь... – предположила Лена.

– В зените славы и успеха... – продолжил за нее Русаков.

– Да... Я и захочу выйти замуж...

– За толстого, престарелого режиссера, – со смехом закончил Иван Анатольевич.

– Нет, нет, только не это... – запротестовала Лена.

– Конечно, нет, – с нарочитой серьезностью произнес Русаков, – за старых и толстых режиссеров выходят, чтобы добиться славы и успеха. Потом их обычно бросают... – с улыбкой закончил он.

– Вы считаете, я на это способна? – серьезно отреагировала Лена.

– Думаю, нет, – в тон ей ответил Русаков. – Я думаю, Лена, вы способны только искренне любить. Но ваша профессия будет для вас всегда важнее этого чувства. В этом трагедия и спасение настоящего артиста.

– Может быть.

– Мне бы только не хотелось, чтобы вы поддались тому искушению свободой, которая наступила для вас после вашего поступления в училище. Дух студенческой актерской среды – он прекрасен, но коварен. К сожалению, для многих в первый год учебы – чем легче становится поцелуй на сцене, тем меньше его ценность в реальной жизни. Мне бы не хотелось, чтобы так случилось с тобой, Лена! Можно, я буду называть тебя на «ты»? – он накрыл ее руку своей и чуть сжал ее.

– Конечно, – ответила она.

– Я бы хотел еще встретиться с тобой, если ты не против?

– Конечно, нет.

– Мы не будем договариваться на какой-то определенный день: у тебя учеба, у меня работа... Пусть это будет такой же приятный экспромт, как сегодня. Хорошо?

– Да.

– Отлично, а теперь я отвезу тебя домой, родители, наверное, уже волнуются, ведь ты не предупредила их?!

– Они уже привыкли, – ответила Лена, – «Актерское мастерство» часто заканчивается поздно.

– А потом свидания, поцелуи в подъезде... Есть уже тот «Ромео», который увлек... будущую Джульетту?

– Никого нет, – покраснела Лена. – И не будет. У нас на курсе не Ромео, а сплошные Нарциссы.

– Не суди так строго. Юношеские угри и самоуверенность молодости быстро пройдут, уже в первый год. Останутся, правда, еще излишняя суетливость и торопливость... Но в училище много зрелых мужчин... Хорошо, я вижу эта тема неприятна тебе... Ты права, нужно подождать настоящего чувства...

Он довез ее до дома и, бросив короткое: «До встречи!», уехал. Лена позвонила, и мать тут же распахнула дверь:

– Наконец-то. Как ты долго сегодня. Устала? Кушать хочешь?

– Нет, мама, спасибо. Я перекусила.

Лена не стала делиться с родителями тем, что была в ресторане. Между ними не было особой близости. Но к удивлению Лены, после поступления в «Щукинское» ее мать стала самой большой поклонницей театра и будущей профессии дочери.

Именно мать настояла на том, чтобы семья из гарнизона под Щербинкой переехала в Москву. Пришлось снять двухкомнатную квартиру, родителям устраиваться на работу. Лена, правда, предпочла бы жить в общежитии и не испытывать чрезмерной опеки матери, следившей за тем, «чтобы Леночка выспалась», «чтобы Леночка не перетруждалась», «чтобы у Леночки отдыхал голос». И хотя Лена была освобождена ото всех домашних хлопот, даже от мытья посуды, такая забота утомляла ее.

Прошло два месяца, наступила зима, но Русаков не появлялся, хотя после их последней встречи Лена все чаще думала о нем, поневоле сравнивая с ним своих сокурсников, да и просто встречавшихся мужчин. И это сравнение было явно в его пользу.

Выходя из здания училища, Лена поглядывала на стоянку машин, но красной «пятерки» не видела. От более сильных душевных переживаний ее отвлекала учеба.

Как-то в декабре он неожиданно позвонил. Лена была немного удивлена, ведь она не давала ему своего телефона. Он был краток: в субботу в семь у Малого театра, гастролитировал Ленинградский БДТ. Она опоздала на двадцать минут. Спектакль уже начался. Сесть все же удалось на свои места, Русаков был непреклонен и просто согнал тех, кто их не по праву занял.

В антракте в буфете коротко обсудили спектакль. Он был корректен, но сух и малоразговорчив, она чувствовала себя виноватой.

После спектакля он, извинившись, сообщил ей, что не сможет подвезти ее до дома и ей придется самой добираться на метро.

Всю дорогу Лена казнила себя за испорченный вечер, но чувство обиды было и на него: «мог бы простить и понять, она еле вырвалась с занятий...»

Следующая их встреча состоялась также внезапно. Он позвонил ей домой и сказал, что будет ждать ее на следующий день в семь часов на Калининском проспекте со стороны аптеки.

В этот раз Лена пришла заранее, тем более, что занятия в этот день у нее заканчивались раньше, а до места встречи рукой подать – лишь перейти через дорогу.

Ровно в назначенное время у тротуара затормозил знакомый красный «Жигуленок». Русаков был приветлив и сообщил, что они едут в валютный бар гостиницы «Белград».

«Расширять кругозор, – пояснил он, – познакомиться с тлетворной жизнью Запада».

Там он угостил ее «Мартини», впоследствии ставшим ее любимым напитком. Там же – с удовольствием и испугом одновременно – приняла она предложение приехать «как-нибудь» к нему домой в гости.

Глава 3

На улице мело, было холодно, и она очень обрадовалась, что Померанцев переулок оказался совсем близко от метро «Парк Культуры». Волнуясь, она впервые открыла тяжелую дверь старинного дома, поднялась на скрипучем лифте на нужный этаж, нажала кнопку звонка.

Он встретил ее на пороге в неизменной белой рубашке с однотонным галстуком, отлично выглаженных брюках и отполированных до блеска ботинках. Помог снять шубку.

– Замерзла? Скорее проходи. Рад тебя видеть. Хочешь выпить – согреться? Мартини?

Она не отказалась. Потом был легкий изысканный ужин, кофе, коньяк, шоколад.

– Ты знаешь, в квартире напротив жил Есенин. Вот так же, возможно, когда-то зимой сюда к нему пришла в гости молодая девушка и после этой встречи он написал:

Плачет метель, как цыганская скрипка.

Милая девушка, злая улыбка.

Я ль не робею от синего взгляда?

Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи —

Ты молодая, а я все прожил.

Юношам счастье, а мне лишь память

Снежной ночью в лихую замять

Я не заласкан – буря мне скрипка.

Сердце метелит твоя улыбка.

Она впитывала в себя его первые прикосновения: легкое поглаживание руки, волос, плеча. Алкоголь снял напряжение и боязнь, и когда он вдруг опустился перед ней на колени и приник губами к ногам, это сначала совсем не испугало ее.

Только когда он навалился на нее и принялся властно расстегивать платье, сознание вернулось к ней.

– Не надо. Прошу тебя, – попросила она.

Но он поборол ее вялое сопротивление.

– Не надо так. У меня еще никого не было, – пролепетала она, чувствуя, как его сильные руки проникают все дальше под колготки.

Эта мольба чуть отрезвила его.

– Ты стесняешься меня? Тогда разденься сама, – властно проговорил он, не оставляя ей выбора.

Он поднялся, оправил примятые брюки и сказал:

– Я жду тебя в соседней комнате.

Лена осталась одна. Она хотела, но не могла уйти. Как заколдованная, она стала медленно раздеваться. Оставшись в одних маленьких прозрачных трусиках, она вышла в коридор. Дверь в соседнюю комнату была открыта. Она была темна. Сделав еще несколько шагов, она вошла в небольшую комнату. Он лежал на разобранной кровати под простыней, подложив левую руку под голову, в правой же – дымилась сигарета. Пепельница стояла на прикрытом простыней животе.

– Иди ко мне, – позвал он, неспешно гася сигарету и ставя пепельницу на пол.

Лена присела на краешек кровати. На полированной поверхности шкафа, стоявшего напротив, она увидела отражение его мощного торса, взметнувшегося и нависшего вдруг над ней, в мгновение распластанной на простынях. Лена почти не ощущала поцелуев, покрывающих ее обнаженное тело, прикосновений умелых рук, прокладывающих путь к своей цели. Она не могла оторваться от вида этой картины, в которой должна была играть одну из главных ролей, но оказалась всего лишь статисткой.

Он навалился на нее, сильно придавив мускулистым животом ее разведенные в стороны бедра. Лена прикусила губу, приглушив стон, рвущийся наружу от ощущения боли, пронизывающей ее, пока он прокладывал себе путь.

Она увидела на дверце шкафа, как его обнаженный зад с неистовством заработал над ней, ощутила ритмичные движения плотного инородного тела внутри себя. Сама того не осознавая, она прикрыла глаза, увлеченная этим новым ощущением. Потом вновь открыла, когда он после серии мощных ударов вдруг вышел из нее и, вжавшись ей в живот, с протяжным стоном обмяк на ней.

– А теперь марш в ванную, – распорядился он, переваливаясь на кровать.

Когда она вернулась, свежая и чистая после горячих струй, он встретил ее, сидя на кровати, словами:

– Иди-ка сюда, маленькая лгунья.

Он встал ей навстречу и, схватив за кисть, заломил ее за спину и наклонил ее лицом в идеально белую простыню.

– Никого не было? Да? Никого не было?

Лене было больно и обидно. Слезы полились из глаз.

– Значит, никого не было? – повторил он. Подхватив рукой под живот, он как игрушку приподнял ее, лежавшую вдоль кровати, и, поставив на колени, навалился сзади на нее. Она вновь увидела свое отражение на дверце шкафа и его, будто запрягшего ее. Но мир растворился в этой смеси боли и наслаждения, вдруг овладевшей ею. Чем больше неистовствовал он, желая без вины наказать, тем больше удовольствия получала она, стараясь наблюдать за его мощными движениями.

– У меня действительно никого не было. Я не обманула тебя, – прошептала она, когда он закурил сигарету.

– Я знаю. Ты никогда не сможешь обмануть меня. А теперь собирайся, тебе пора – родители будут волноваться.

Когда Лена ушла одеваться, он сел на край постели, порылся в карманах брюк, вытащил смятые купюры, потом – голый – вышел в коридор. Сунув ей в руку деньги, проговорил:

– Я не смогу подвезти тебя – машина не заправлена. Возьмешь такси.

Он позвонил ей через неделю и сказал, что ждет ее вечером у себя дома. Она не могла не прийти.

Лежа в постели, куря сигарету и стряхивая пепел в пепельницу, стоявшую у нее на животе, Иван Анатольевич сказал:

– Ты должна мне помочь.

– Я? Чем?

– Я хочу знать, о чем говорят и, главное, думают преподаватели твоего училища, чему они учат своих студентов. Их отношение к происходящим в стране событиям. О настроениях среди студентов. Я бы мог говорить тебе о долге перед родиной, которая сейчас находится в настоящей опасности. О том, что западные спецслужбы делают все, чтобы развалить нашу страну, внести раскол в общество, и основная роль в этом отводится интеллигенции. Я бы мог нарисовать тебе картину того, что должно случиться в ближайшие годы по сценариям, разработанным на Западе: отстранение КПСС от власти, развал СССР как единого государства, межэтнические, межрегиональные конфликты, использование страны в качестве сырьевого придатка и т. д. Поверь, эти планы даже не скрываются, они открыто пропагандируются в выступлениях государственных деятелей. Я мог бы нарисовать тебе картину хаоса, который ожидает страну в случае, если эти прогнозы сбудутся, когда к управлению государством придут криминальные структуры, когда Чикаго тридцатых годов покажется диснеевским мультфильмом по сравнению с тем, что будет в Москве... Я мог бы рассказать тебе, чей конкретный интерес скрывается

за абстрактными идеями демократии, общечеловеческих ценностей, которые сегодня кое-кем навязываются обществу... Но я прошу лишь помочь мне!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.